

ОТДЕЛ I. ИСТОРИЯ ХРИСТИАНСТВА

ВЛАСТЬ РИМСКИХ ИМПЕРАТОРОВ В ПОНИМАНИИ ДРЕВНИХ ХРИСТИАН

Иеромонах Клавдиан (Меньшиков)

Преподаватель кафедры церковно-практических дисциплин

Екатеринбургской духовной семинарии

620026 Екатеринбург, Розы Люксембург, 57

klavdianus.m@yandex.ru

Для цитирования: *Клавдиан (Меньшиков), иером.* Власть римских императоров в понимании древних христиан // Церковный историк. 2024. № 1 (15). С. 15 – 28. DOI: 10.31802/СН.2024.15.1.001

Аннотация

УДК 27-64

Одним из направлений церковной науки является рассмотрение истории становления римской и наследующей ей византийской государственности с христианской позиции. В рамках этой темы целесообразно повторно обозреть основные этапы процесса сосредоточения властных полномочий в руках римских императоров, учитывая связь идеологии русского самодержавия с византийской, а через неё с древнеримской парадигмой. Неспособность республиканского строя к контролю ситуации во всём Средиземноморье в условиях доминирования Рима привело к усилению власти принцев. Анализ содержания ряда титулов, характеризующих положение «первенствующего гражданина», в некоторой степени «проливает свет» на процесс реконструкции монархического режима правления в Риме. Понимание древними христианами высокого общественного положения принцев и степени их влияния на государственные дела отразилось на некоторых церковных, в том числе библейских текстах.

Ключевые слова: Рим, государственность, титулы, централизация власти, монархия, самодержавие, христианство.

The power of the Roman emperors in the understanding of ancient Christians

Hieromonk Klavdian (Menshikov)

Lecturer of the Department of Church and Practical Disciplines of the Yekaterinburg Theological Seminary.

57, Rosa Luxemburg, Ekaterinburg, 620026, Russia

klavdianus.m@yandex.ru

For citation: Klavdian (Menshikov), Hieromonk. «The power of the Roman emperors in the understanding of ancient Christians». *Church Historian*, № 1 (15), 2024, pp. 15–28 (in Russian). DOI: 10.31802/CH.2024.15.1.001

Abstract. One of the directions of ecclesiastical science is to consider the history of the formation of the Roman and its successor Byzantine statehood from a Christian perspective. Within the framework of this topic, it is advisable to re-review the main stages of the process of concentrating power in the hands of the Roman emperors, taking into account the connection of the ideology of the Russian autocracy with the Byzantine, and through it with the ancient Roman paradigm. The inability of the republican system to control the situation throughout the Mediterranean under the domination of Rome led to the strengthening of the power of the princeps. The analysis of the content of a number of titles characterizing the position of the «first citizen» to some extent «sheds light» on the process of reconstruction of the monarchical regime of government in Rome. The understanding by ancient Christians of the princeps' high social position and the degree of their influence on state affairs, was reflected in some ecclesiastical texts, including biblical texts.

Keywords: Rome, statehood, titles, centralization of power, monarchy, autocracy, Christianity.

Государственность древнего Рима, а также этапы её становления, рассмотренные с христианской позиции, могут и сегодня быть предметом исследований церковных историков. Это тем более значимо с учётом тесной взаимосвязи идеологии русского самодержавия с византийской парадигмой, основанной в свою очередь на древнеримской.

Считается, что идея империи берёт своё начало из политической истории древнего Римского государства, начиная с эпохи принципата (I в. до н. э. — III в. н. э.). Принципат представляет из себя режим, характеризовавшийся исключительным положением «первенствующего гражданина» — «принцепса», который, обладая фактической властью, тем не менее, признавал верховенство закона¹.

По сути, принципат «представлял собой синтез отмиравших республиканских институтов и укреплявшейся монархической власти»², являясь «монархической республикой» или «республиканской монархией»³. Само понятие принципат (лат. *principatus*) связано с латинским термином *princeps*. Последний, выступая в роли прилагательного, имеет основные значения — «первый», «главный», «лучший», «знатный», в роли существительного, соответственно — «глава, руководитель», «вдохновитель, творец», «государственный деятель», «повелитель» и, наконец, «государь, император»⁴.

Титул *Imperator* в Риме первоначально не был синонимичен царскому. Из сообщений историков — греческого Полибия (ок. 120 г. до н. э.) и римского Тита Ливия (17 г. н. э.) известно о том, что, когда покорённые римлянами иберы окружили полководца Публия Сципиона и провозгласили его царём, последний, смутившись, ответил, что «для него звание императора, данное ему солдатами, самое почётное, а царское звание, столь уважаемое у других народов, в Риме ненавистно»⁵ и просил их больше не произносить вслух этого слова⁶. Как отмечает исследователь В. А. Леус, «титул царя мог по-разному восприниматься

1 *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 16.
 2 *Бутин А. А.* Хронотоп принципата I — начала II в. (по произведениям Корнелия Тацита): дисс. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Ярославль, 2014. С. 17.
 3 *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа ... С. 16.
 4 *Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 810.
 5 *Тит Ливий.* История Рима от основания города. Т. II / пер. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеевко М.: Наука, 1991. С. 292. См. также: *Полибий.* Всеобщая история. Т. II. Кн. VI—XXV / пер. с древнегр. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 2005. С. 144, 145.
 6 Там же.

иберами, Сципионом и историками»⁷, и во времена Полибия латинский термин *imperator* не был равнозначен греческому *αὐτοκράτωρ*⁸. Последнему у Полибия синонимично понятие *dictator*⁹. Позднее, в трудах Плутарха (ок. 127 г.) термин *αὐτοκράτωρ* становится уже синонимом термина *imperator*¹⁰.

Очевидно, что не все императоры происходили из среды военачальников, поэтому со временем императорский титул стал «использоваться уже в гражданском контексте»¹¹. Еще один термин — *rex* — был принят римлянами в качестве обозначения вождя варварского народа¹². Однако, начиная с «эпохи Веспасиана, титул (*rex*) ставился обычно перед другими именами и званиями императора и заменил титул *princeps*, как название императора в народе»¹³.

Титул *dominus* переводится как «господин», «повелитель», «государь»¹⁴. Данный титул впервые был принят императором Аврелианом¹⁵, а затем использовался его преемниками Пробом, Диоклетианом и Максимианом Геркулием¹⁶. Титул *Dominus Noster* устанавливал между императором и подданными такое же отношение, как между хозяином и рабами. По этой причине римляне не терпели данный титул в начальный период Империи¹⁷.

Нужно сказать о том, что в ранний период имперской истории Рима не существовало «твердого порядка престолонаследия»¹⁸, поскольку принцепс не являлся абсолютным монархом в строгом смысле

- 7 Леус В. А. Сципион Африканский и титул *Imperator* в политической системе Римской республики // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. № 1. С. 82.
- 8 Там же. С. 84.
- 9 Дворецкий И. С. Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М., 1958. С. 267.
- 10 Там же. С. 267.
- 11 Конопаткин В. А., Скворцов А. М. Титулатура императоров поздней Римской империи (конец III – середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 2. С. 216.
- 12 Кастан Карлос, Фустер Карлос. Римские императорские монеты. Мадрид-Барселона, 1996. С. 57.
- 13 Там же. С. 47.
- 14 Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. М., 1976. С. 346.
- 15 Кастан Карлос, Фустер Карлос. Римские императорские монеты ... С. 57.
- 16 Моммзен Т. История римских императоров / Пер. с нем. Т. А. Орестовой. СПб., 2002. С. 390. Запись на монетах имп. Проба — IMP. DEO ET DOMINO, имп. Диоклетиана — D. N. DIOCLETIANO FELICISSIMO SEN. AVG, имп. Максимиана Геркулия — D. N. MAXIMIANO FELICISSIMO SEN. AVG. См. об этом: Кастан Карлос, Фустер Карлос. Римские императорские монеты... С. 57, 305, 320, 328.
- 17 Кастан Карлос, Фустер Карлос. Римские императорские монеты ... С. 57.
- 18 Межерицкий Я. Ю. «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 23.

слова, будучи «первым среди равных»¹⁹. Тем не менее он был «крайне активным непосредственным правителем, верховным главнокомандующим, лицом, имеющим высшую судебную власть и фактически руководителем всех сфер политики», а также «гарантом преемственности римской державы и её права в гораздо большей и всеобъемлющей мере, чем когда-то сенат»²⁰.

Нужно сказать, что территориальное увеличение Римского государства стимулировало процесс централизации военной и политической власти, которая стала сосредотачиваться в руках принцепсов. Такой процесс был закономерным явлением, признаваемым уже рядом современников. Начатый Гаем Юлием Цезарем, которого не без основания считают «первым римским царём в конце республиканской эпохи»²¹, и продолженный его преемником Октавианом Августом, он имел определённое освещение в античной мысли.

Древнеримский историк Аппиан Александрийский, живший на рубеже I–II вв., отмечает, что «Гай Цезарь, победив всех своих соперников, взял в свои руки власть и, обеспечив её надёжной защитой, сохранил внешнюю форму и имя Республики, но себя поставил монархом над всеми»²². Стоит отметить, что схожую оценку (только уже правлению Октавиана) даёт исследователь Т. Моммзен, полагавший, что Октавиан создал республику «с монархической верхушкой»²³.

Сам Цезарь стал носить императорский титул постоянно в отличие от своих предшественников²⁴. Он, по свидетельству историка Гая Светония Транквилла, считал республику пустым именем «без тела и облика»²⁵, придавая собственным словам значение закона²⁶.

После смерти Цезаря Октавиан Август, приняв имя последнего, стал приобретать возрастающее влияние на политической арене Рима.

19 Там же. С. 23.

20 Крист К. История времён римских императоров от Августа до Константина: Историческая библиотека Бека / ред. Н. И. Диденко. Т. 1. Ростов-на-Дону, 1997. С. 559.

21 Доценко И. И. Императорская регалия: происхождение, генезис и символика державы. М., 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/9829173/> (дата обращения: 17.09.2022).

22 Аппиан Александрийский. Римская история. М., 1998. С. 7.

23 Моммзен Теодор. История Римских императоров / пер. с нем. Орестовой Т. А. СПб., 2002. С. 86.

24 См.: Император // ПЭ. Т. 22. М. 2014. С. 393–394.

25 Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей / Литературные памятники. Гай Светоний Транквилл. Жизнь двенадцати цезарей. Под ред. Утченко С. Л. и др. М., 1993. С. 29.

26 Там же. С. 29.

Историк Светоний пишет о намерении Августа стать «творцом лучшего государственного устройства»²⁷. Тем не менее по утверждению самого Октавиана «никакой должности, дававшейся вопреки отеческим обычаям»²⁸, он не принимал.

Переход к установлению описываемой формы правления происходил на фоне гражданского противостояния в римском обществе. Причиной последнего стала неспособность республиканского строя, сложившегося в эпоху, когда Рим был небольшим городом, к управлению мировой державой²⁹. По мнению Т. Моммзена, именно «как государство Рим оформился только с приходом к власти императоров»³⁰.

Историк Корнелий Тацит, отрицательно отзываясь об установлении режима единовластного правления, тем не менее признаёт его необходимым для Римского государства³¹. То же самое сознавали сами римские императоры. Тацит приводит слова императора Гальбы, обращённые им к своему преемнику — Пизону Лициниану, о том, что «огромное тело государства» не способно «устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя»³².

Монополизация воинских отличий, установление культа правителя, тиражирование копий императорских декретов, изготовление собственных изображений — всё это содействовало укреплению престижа и власти принцепса³³. Со временем принцепс перестал именовать «себя титулами республиканского Рима, потерявшими всякое содержание, то есть консулом, трибуном и так далее; теперь он называл себя *dominus* (господин)»³⁴. Более того, титул *dominus noster*, начиная с эпохи св. Константина Великого «постепенно вытесняет все остальные и всё чаще фигурирует без сопровождения других»³⁵.

27 Там же. С. 45.

28 *Октавиан Август*. Деяния божественного Августа // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л., 1990. С. 191.

29 *Машкин Н. А.* Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М., Л., 1949. С. 9. См. также: *Токарев А. Н.* Становление официальной идеологии императора Августа. Х., 2011. С. 4.

30 *Моммзен Теодор*. История римских императоров / Пер. с нем. Орестовой Т. А. СПб., 2002. С. 63.

31 *Исаева И. А.* Римский принципат в трактовке Тацита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2009. Вып. 1. С. 155.

32 *Tac. Hist.*, I, 16. Перевод: Тацит Корнелий. История. Т. 2. М., 1969. С. 12.

33 *Межеричкий Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М., 2016. С. 514–515.

34 *Буркхард Я.* Век Константина Великого / Пер. с англ. Игоревского Л. А. М., 2003. С. 44.

35 *Конопаткин В. А., Скворцов А. М.* Титулатура императоров поздней Римской империи (конец III – середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 2. С. 216.

Укрепление института монархической власти связано с тем, что, расширяя свою территорию за счёт покоряемых царств, римская республика, безусловно, сама испытывала влияние монархической идеи, поскольку в сознании древних индоевропейцев монархия оставалась самой лучшей формой власти, «сохраняющей вырабатываемый веками, а то и тысячелетиями общественный порядок»³⁶.

Исследователи выделяют следующие этапы укрепления императорской власти Рима. Сначала император Октавиан (63 г. до Р. Х. — 14 г. по Р. Х.) становится «высшей судебной и апелляционной инстанцией для граждан»³⁷ Рима, а его почетное имя «Август» приобретает значение самого главного титула Римского императора и начинает обозначать «власть над всей Империей»³⁸.

Можно отметить, что уже в I веке авторитет и власть римского принцепса были весьма значительны. В Священном Писании Нового Завета он прямо именуется царём и содержится призыв быть ему покорным как верховной власти (1 Пет. 2, 13, 17). Согласно этому призыву и поступало большинство христиан, в том числе апологеты, один из которых именуется «всегда достойнейшими, человеколюбивыми и наиболее достойными царской власти»³⁹ языческих императоров Марка Аврелия Антонина (180 г.) и Луция Аврелия Коммода (192 г.).

Следующий этап укрепления императорской власти можно связать с Веспасианом (69–79 гг.), который делает императорский культ всеобщим и обязательным, формируя целый пантеон обожествлённых императоров и, таким образом, возводя в ранг божественности саму императорскую власть, как таковую⁴⁰. В связи с этим важно подчеркнуть, что утверждение императорского единовластия в Римском государстве не могло не иметь религиозной окраски, поскольку религия имела основополагающее значение в античном мире. Как отмечает Ф. А. Курганов, в древнем языческом мире «не существовало понятия религиозной свободы»⁴¹ и «государство

36 Доценко И. И. Царские инсигнии в верованиях и культурах древних индоевропейских народов. М., 2012. С. 5.

37 Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 177.

38 Доценко И. И. Императорская регалия ... URL: <https://www.academia.edu/9829173/> (дата обращения: 17.09.2022).

39 Афинагор Афинский. Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа // Раннехристианские апологеты II–IV веков. Переводы и исследования. М., 2000. С. 73.

40 Штаерман Е. М. Социальные основы религии Древнего Рима. М., 1987. С. 172.

41 Курганов Ф. А. Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи: обзор эпохи образования и окончательного установления характера взаимоотношений между церковной и гражданской властью в Византии (325–565). Казань, 1880. С. 1.

было вместе с тем единственным устройтелем и распорядителем религиозных обрядов и церемоний»⁴². Древнеримская религия фактически сливалась с государственной властью. Это проявлялось, например, в том, что одно и то же лицо одновременно и по одинаковым причинам могло сделаться жрецом и консулом⁴³.

С того времени, «когда в Риме установился принципат Августа, начался и императорский культ — уже первые императоры неплохо осознали значение своей «божественности» и не желали быть только принцепсами — первенствующими в сенате, но господами»⁴⁴. Одно из прямых свидетельств императорского культа — храм Августа, возведённый в эпоху правления Октавиана в Афинском Акрополе⁴⁵. Косвенно свидетельствует об этом же обычай поклонения статуям императоров, настолько прочно укоренённый в народном сознании, что о нём в IV веке отзывался святитель Григорий Богослов, считая его основанным на гордости царей⁴⁶.

Далее «в правление Домициана (81–96 гг.) устанавливается римское самодержавие по типу восточных эллинистических монархий, а в правление Диоклетиана (284–305 гг.) — неограниченная абсолютная монархическая власть»⁴⁷. Последнее выражалось, например, в том, что перед самим Диоклетианом «надлежало падать ниц и целовать край его пурпурной мантии»⁴⁸, как это практиковалось на Востоке в странах с деспотическим режимом правления. Действительно, по замечанию исследователей, сосредоточение всей власти в руках принцепсов Рима и наделение их особыми полномочиями происходило под влиянием эллинистической политической философии⁴⁹, а сам режим их правления так или иначе был ориентирован на монархическое устройство восточных деспотий.

Таким образом, уже начиная с периода правления Октавиана Августа, император для своих подданных фактически отождествлялся

42 Там же. С. 1.

43 Буассье Г. Римская религия: от Августа до Антонинов // Пер. М. Корсак. М., 1878. С. 9.

44 Князький И. О. Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб., 2010. С. 24–25.

45 Полевой В. М. Искусство Греции: Древний мир, Средние века, Новое Время. М., 1984. С. 132–133.

46 Григорий Богослов, *свт.* Слово 4, первое обличительное на царя Юлиана // Творения. Т. 1. С. 85.

47 Доценко И. И. Императорская регалия ... URL: <https://www.academia.edu/9829173/> (дата обращения: 17.09.2022).

48 Лемерль П., Кицикис Д. На перекрёстке цивилизаций: сборник / [пер. с фр.: Т. Б. Пошерстник, Б. Б. Павлов]; [науч. ред.: О. В. Родионов]. М., 2006. С. 7.

49 Dvornik F. The ecumenical councils. New York: Hawthorn Books, 1961. P. 11.

с самим «Римом, его культурой и судьбой, а отношение к нему»⁵⁰ рассматривалось в качестве «важнейшего критерия оценки самой Империи и сложившегося миропорядка»⁵¹.

Обращение императора Константина к христианской религии «стало поворотной точкой в истории Церкви и Европы»⁵², поскольку, с одной стороны, «независимый самодержец неизбежно и непосредственно был вовлечён в церковное обустройство»⁵³, с другой стороны — сама «Церковь всё более и более вовлекалась в принятие высших политических решений»⁵⁴. В своём знаменитом «Слове василевсу Константину, по случаю тридцатилетия его царствования» Евсевий Кесарийский ставит акцент на правоверности первого христианского императора, который очистил Новый Рим «от всякого идолопоклонства, чтобы в нём нигде не поражали зрения не только мнимые изображения богов, которые чтились в капищах, но и самые жертвенники, обогранные кровью животных, чтобы в нём не видно было ни жертвенных всеожжений, ни демонских праздников, ни каких-либо иных языческих обычаев»⁵⁵. Кесарийский епископ перечисляет законы св. Константина, касающиеся утверждения благочестия и называет его громогласным вестником Божиим. Именно личность императора Константина стала для Евсевия «воплощением идеального правителя»⁵⁶.

В церковной истории настала эпоха Вселенских Соборов. Императоры, созывая Соборы, участвовали в них (лично или через своих представителей), утверждали их акты, придавая этим последним силу государственных законов. При этом соборные вероопределения — оросы — подписывались исключительно епископами или их доверенными лицами⁵⁷.

Таким образом, в процессе христианизации Римского государства отношение к верховным правителям стало изменяться, хотя

50 *Е. А. Гуськов*. Фигура императора в культуре ранней Римской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2013. С. 10.

51 Там же. С. 10.

52 *Chadwick Henry*. Constantin and the Council of Nicaea // Henry Chadwick. The early Church. England: Penguin Group, 1993. P. 125.

53 Ibid.

54 *Chadwick Henry*. Constantin and the Council of Nicaea // Henry Chadwick. The early Church. England: Penguin Group, 1993. P. 125.

55 *Евсевий Кесарийский, еп.* Слово василевсу Константину, по случаю тридцатилетия его царствования // Жизнь блаженного василевса Константина. М., 1998. С. 61.

56 *Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. С. 163.

57 *Цыпин В., прот.* Каноническое право. М., 2009. С. 362.

сосредоточение власти в их руках по-прежнему продолжалось. Римские императоры, начиная с равноапостольного Константина Великого, чаще стали восприниматься не как самостоятельный источник властных полномочий, а «как земной образ Царя Небесного»⁵⁸.

В истории Византии имеются многочисленные случаи обращения столичных церковных иерархов к императорской власти. Сохранилось письмо свт. Григория Богослова своему преемнику на Константинопольской кафедре патриарху Нектарию. В нём содержится призыв убедить императора Феодосия в необходимости запретить еретикам-аполлинаристам «иметь свои собрания»⁵⁹.

Можно привести также исторический пример письменного обращения папы Римского свт. Льва Великого к императорам Феодосию II и Валентиниану после заседаний Эфесского лжесобора с просьбой защитить Церковь от её врагов⁶⁰. Несмотря на то, что данные ходатайства были продиктованы необходимостью, сам факт их наличия являлся прецедентом и в дальнейшем мог послужить основанием для более активного вовлечения императоров в жизнь Церкви.

В связи с вышесказанным уместно привести следующий пример — возникновение и распространение иконоборческой ереси, инициированной императорами в VIII в. Одному из них — Льву Исавру папа Римский Григорий II напоминал о том, что императоры «должны удерживать себя от вмешательства в дела церковные и заниматься тем, что им вручено»⁶¹, т. к. «догматы святой Церкви дело не императоров, но архиереев, и должны быть точно и верно определяемы»⁶². При этом иерархи продолжали возносить молитву об императорах даже в случаях, когда последние не только не поддерживали Кафолическую Церковь, но и противодействовали ей. В качестве свидетельства сказанному можно привести «Защитительное слово Афанасия, архиепископа Александрийского, пред царём Констанцием», в котором Святитель сообщает о церковном поминовении императора Констанция⁶³.

58 *Андреева Л. А.* Местник Божий на царском троне: христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории. М., 2002. С. 109–110.

59 *Григорий Богослов, свт.* Письма. К Нектарию, епископу Константинопольскому // Творения. Т. 2. М., 2007. С. 538.

60 Деяния Вселенских Соборов. Т. 3. Казань, 1908. С. 32–34.

61 Первое послание св. Григория, папы римского, к императору Льву Исавру о святых иконах // Деяния Вселенских Соборов. Казань, 1909. Т. VII. С. 19.

62 Там же. С. 19.

63 См.: *Афанасий Великий, свт.* Апология Афанасия, архиепископа Александрийского, перед царём Констанцием // Творения: в 3 т. Т. 1: Творения апологетические, догматико-полемические и историко-полемические. М.: Сибирская Благозвонница, 2015. С. 492.

Тем не менее императоры-христиане, также как их предшественники, начиная с Диоклетиана, знали уже «только одну политическую систему, а именно самодержавную монархию, в которую трансформировалась Римская республика под влиянием эллинистической политической философии»⁶⁴. По этой причине процесс сосредоточения властных прерогатив в руках императоров закономерно продолжился и в христианской империи. Так в VII в. византийский император официально принимает титул βασιλεύς, и с этого времени его достоинство окончательно перестаёт восприниматься «как высшая ступень государственной иерархии, но становится своего рода Божественным даром, символическим помазанием, связывающим счастливого избранника с правящим родом потомков Давида»⁶⁵. Наконец, начиная с эпохи правления императора Ираклия у византийского императора появляется еще один титул — αὐτοκράτωρ⁶⁶ (автократор)⁶⁷.

Таким образом, с VII века «в титулатуру византийского правителя входили определения его как василевса и автократора. В русской традиции слово «αὐτοκράτεια» переводится как «самодержавие», а соответствующая форма правления как «самодержавная». Можно перевести это слово также как μοναρχία (власть одного правителя)»⁶⁸.

Разумеется, перечисленные факты были далеко не единственными в истории централизации власти в Римском государстве и формировании христианского отношения к императорам. Тем не менее их обзор в некоторой степени позволяет понять ход процесса сосредоточения власти в руках принцепсов, а также отношение к этому древних христиан.

В завершение можно сделать ряд выводов:

- 1) Обстоятельства укрепления могущества и увеличения территории Римской республики способствовали централизации государственной власти и сосредоточению её в руках принцепсов.
- 2) Данный процесс не мог не иметь религиозной составляющей, поскольку древнеримская религия фактически сливалась с государственной властью.

64 *Dvornik F.* The ecumenical councils. New York: Hawthorn Books, 1961. P. 11.

65 *Дагрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме» / пер. и науч. ред. А. Е. Мусина; под общ. ред. И. П. Медведева. СПб., 2010. С. 45.

66 αὐτοκράτωρ — самовластный, самодержавный, неограниченный, независимый. См.: *А. Д. Вейсман.* Греческо-русский словарь. М., 1991. С. 224.

67 *Гийу А.* Византийская цивилизация / Пер. с франц. Д. Лоевского. Екатеринбург. 2005. С. 480.

68 *М. А. Поляковская.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург, 2011. С. 13.

- 3) Процесс укрепления власти римских императоров продолжился и после императора Константина Великого, хотя само отношение к императорам было скорректировано с учётом христианских взглядов на их власть.

Источники

- Август Октавиан*. Деяния божественного Августа // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990.
- Аппиан Александрийский*. Римская история. М.: Наука, 1998.
- Афанасий Великий, свят.* Апология Афанасия, архиепископа Александрийского, перед царём Константином // Творения: в 3 т. Т. 1: Творения апологетические, догматико-полемические и историко-полемические. М.: Сибирская Благовонница, 2015. С. 485–511.
- Афинагор Афинский*. Предстательство за христиан Афинагора Афинянина, христианского философа // Раннехристианские апологеты II–IV веков. Переводы и исследования. М.: Ладомир, 2000.
- Григорий Богослов, свят.* Письма. К Нектарию, епископу Константинопольскому // Творения: в 2 т. Т. 2. М.: Сибирская благовонница, 2007.
- Григорий Богослов, свят.* Слово 4, первое обличительное на царя Юлиана // Творения: в 2 т. Т. 1. М.: Сибирская Благовонница, 2007. С. 61–106.
- Деяния Вселенских Соборов: в 7 т. Т. 3. Казань: Центральная Типография, 1908. Т. 7. Казань: Центральная Типография, 1909.
- Евсевий Кесарийский, еп.* Слово василевсу Константину, по случаю тридцатилетия его царствования // Жизнь блаженного василевса Константина. М.: Издательская группа «Labagum», 1998.
- Полибий*. Всеобщая история. Т. II. Кн. VI–XXV / пер. с древнегр. Ф. Г. Мищенко. СПб.: Наука, 2005.
- Тацит Корнелий*. История. Т. 2. М.: Наука, 1969.
- Тит Ливий*. История Рима от основания города. Т. II / пер. Зелинского Ф. Ф., Сергеевко М. Е. М.: Наука, 1991.
- Транквилл Гай Светоний*. Жизнь двенадцати цезарей / Литературные памятники / Под ред. С. Л. Утченко и др. М.: Наука, 1993.

Литература

- Андреева Л. А.* Местник Божий на царском троне: христианская цивилизационная модель сакрализации власти в российской истории. М., 2002.
- Буасье Г.* Римская религия: от Августа до Антонинов / Пер. М. Корсак. М.: Типография Мамонтова, 1878.

- Буркхард Я.* Век Константина Великого / Пер. с англ. Игоревского Л. А. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003.
- Бутин А. А.* Хронотоп принципата I — начала II в. (по произведениям Корнелия Тацита). Дисс. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Ярославль, 2014.
- Ващева И. Ю.* Евсевий Кесарийский и становление раннесредневекового историзма. СПб.: Алетейя, 2006.
- Вейсман А. Д.* Греческо-русский словарь. М.: ГЛК Ю. А. Шичалина, 1991.
- Гийу А.* Византийская цивилизация / Пер. с франц. Д. Лоевского. Екатеринбург: У-Фактория, 2005.
- Гуськов Е. А.* Фигура императора в культуре ранней Римской империи: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 24.00.01. Саратов, 2013.
- Дагрон Ж.* Император и священник: этюд о византийском «цезарепапизме» / Пер. и науч. ред. А. Е. Мусина; под общ. ред. И. П. Медведева. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-история, 2010.
- Дворецкий И. С.* Древнегреческо-русский словарь. Т. I. М.: Гос. изд. иностранных и национальных словарей, 1958.
- Дворецкий И. Х.* Латинско-русский словарь. М.: Изд. «Русский язык», 1976.
- Доценко И. И.* Императорская регалия: происхождение, генезис и символика державы. М.: МИОО, 2014. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.academia.edu/9829173/> (дата обращения: 17.09.2022).
- Доценко И. И.* Царские инсигнии в верованиях и культурах древних индоевропейских народов. М.: МИОО, 2012.
- Император / ПЭ. Т. XXII. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2009. С. 393–406.
- Исаева И. А.* Римский принципат в трактовке Тацита // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. Вып. 1. 2009.
- Карлос К., Карлос Ф.* Римские императорские монеты. Мадрид-Барселона: Graficincio, S. A., 1996.
- Князький И. О.* Император Диоклетиан и закат античного мира. СПб.: Алетейя, 2010.
- Конопаткин В. А., Скворцов А. М.* Титулатура императоров поздней Римской империи (конец III — середина V вв.) // Гуманитарные и юридические исследования. 2022. № 2. С. 214–223.
- Крист К.* История времен римских императоров от Августа до Константина: Историческая библиотека Бека / ред. Н. И. Диденко. Т. 1. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
- Курганов Ф. А.* Отношения между церковной и гражданской властью в Византийской империи: обзор эпохи образования и окончательного установления характера взаимоотношений между церковной и гражданской властью в Византии (325–565). Казань, 1880.
- Лемерль П., Кицикис Д.* На перекрестке цивилизаций: сборник / Пер. с фр.: Т. Б. Пошерстник, Б. Б. Павлов; Науч. ред.: О. В. Родионов. М.: Весь Мир, 2006.
- Леус В. А.* Сципион Африканский и титул Imperator в политической системе Римской республики // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. № 1.

- Машкин Н. А.* Принципат Августа: происхождение и социальная сущность. М., Л.: Изд. АН СССР, 1949.
- Межеричский Я. Ю.* «Восстановленная республика» императора Августа. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2016.
- Моммзен Т.* История римских императоров / Пер. с нем. Т. А. Орестовой. СПб., 2002.
- Полевой В. М.* Искусство Греции: Древний мир, Средние века, Новое Время. М.: Советский художник, 1984.
- Поляковская М. А.* Византийский дворцовый церемониал XIV в.: «театр власти». Екатеринбург: Изд. Уральского университета, 2011.
- Токарев А. Н.* Становление официальной идеологии императора Августа. Х.: ХНУ им. В. Н. Каразина, 2011.
- Цыпин В., прот.* Каноническое право. М.: Изд. Сретенского монастыря, 2009.
- Штаерман. Е. М.* Социальные основы религии Древнего Рима. М.: Наука, 1987.
- Dvornik F.* The ecumenical councils. New York: Hawthorn Books, 1961.
- Henry Chadwick.* Constantin and the Council of Nicaea // Henry Chadwick. The early Church. England: Penguin Group, 1993.